

**Зарабочим
сталам**

У ВСЕВОЛОДА ИВАНОВА

— Если его очистить и отмыть, он будет прозрачно-голубой... А в этом ящике — агаты, сердолики. — Всеволод Иванов кладет на стол увесистый, весь в мелких зазубринах, как бы в чешуе, камень, затем открывает ящик: вас не поражает блеск самоцветов, — это куски породы, крупные и мелкие, одинаковые и совсем непохожие. Прожилки, прослойки, вкрапления драгоценного в простой породе.

Всеволод Иванов собирает камни. Он отыскивает их в горах Урала, на реках Сибири, в ее рудниках. Иногда ему их дарят.

В прошлом году в Сибири ему рассказали про одно место, где на берегу реки есть россыпи необыкновенных камней. Место это было далеко, в трехстах километрах от жилья. Иванов поехал в Нижне-Илимск. Оттуда проехал в граничащее с Ангаро-Илимской тайгой село Туба. В Тубе взял лошадей и много километров шел до россыпей. Камни он нашел. Но это были простые булыжники.

— А я не жалею, — говорит писатель, — я проехал по каким-то страницам своего будущего романа. Побывал в охотничьих стойбищах, выстроенных 150 лет назад. И кто знает, может быть, булыжники обернутся золотом. Этим летом тоже буду искать. Что ж, может быть, опять найду булыжники.

Писатель едет в Сибирь. Третий раз за последние три года. Он уже извездил Иркутскую область, Бурятскую АССР, Читинскую область, был на Ангаре, в Братске, на Байкале, на реках Онон и Шилке, на Шерловой горе.

Сейчас — опять поездка в Читинскую область, на Байкал, — по новым маршрутам.

И едет Вс. Иванов, конечно, не за камнями, а к людям, с которыми шла его молодость. Едет он в Сибирь не потому, что сейчас сюда многие едут. О Сибири он писал (и одним из первых) еще сорок лет назад.

— Действие будущего романа, — рассказывает он, — будет происходить в маленьком городке Восточной Сибири. В центре событий — история большой рабочей семьи, которая после долгих лет собирается вся вместе, чтобы помочь в строительстве большого металлургического завода. В этой семье есть и краеведы, и врачи, и рабочие, и историки, и инженеры. В Сибири часто встречаются такие большие семьи со сложной и разной судьбой.

Я не хочу писать скорописью. Хочу написать глубокий психологический роман о людях и о природе. О необыкновенной природе и очень, казалось бы, обыкновенных людях, жизнь которых — отнюдь не фестиваль. Хочется рассказать о жизни трудной, о том, как добываемый металл омывается потом. О том, как идет сюда культура. Именно поэтому я выбрал город маленький, который стоит далеко от известных культурных и промышленных центров.

Думаю о романе много. Вижу людей. Вижу главы. Даже вижу куски, которые придется выбросить!..

Да! Сибирь для Иванова — не случайность. Сибирь сегодняшнюю он знает и видит в ее кровной и цепкой связи с прошлым. История, природа, люди напоминают о своей многосложной связи часто и самым внезапным образом.

В прошлом году Иванов попал на свинцовый рудник Горный Зарентуй. Это бывшая каторга. Здесь есть каторжный дом и тюрьма, в которой сидели декабристы. Лет 100 назад этот рудник засыпали, потому что руда там иссякла. Но недавно, когда рабочие шли за богатой жилой, они вышли в шахту, как раз в ту, в которой работали декабристы. Оттого, что доступа воздуха сюда не было, здесь все сохранилось в целости — и корзины на два пуда руды, и крутые деревянные лесенки, по которым декабристы вытаскивали эти корзины наружу.

О сегодняшних людях Горного Зарентуя, как и о людях другого рудника — оловянного, расположенного в Шерловой горе (возле хребта Адун-Челон), Иванов собирается рассказать в другой книге, в своего рода приложении к будущему роману. Это будет книга биографий интереснейших людей здешних мест.

К будущему роману уже написано вступление, хотя... оно и не войдет в роман. Это — сценарий, киноповесть. Сце-

нарий скоро будет запущен в производство. Ставит фильм режиссер Егоров.

В авторучке кончались чернила, и Иванов, смеясь, шуря узкие азиатские глаза, вынул из кармана и дал мне уже не новый, облупившийся карандаш.

— Пишу всегда им — он уж никогда не изменит... А на машинке потом.

Заговорили о том, как писатель работает.

— Я редко записываю свои встречи, разговоры, впечатления, — говорит Вс. Иванов, — а если порой и записываю, то к этому никогда не возвращаюсь, не перечитываю и почти никогда не использую своих записей. Кроме газетных и журнальных корреспонденций, конечно, здесь уж важна фактическая точность, тут приходится писать обязательно.

Иной раз думаешь: дай запишу пейзаж, сделаю его словом, чтобы не забыть, и вы знаете — ничего не получается: на бумаге одно, а в памяти другое, только испортишь, огрубнешь. Вот когда, восстанавливая по памяти, вписываешь тот же пейзаж сразу в действие — в рассказ, в роман, — тогда он оказывается точным.

То же самое — и с планом. Планов не пишу. Набросаете план — все равно от него ничего не остается.

Работает Иванов много, по многу раз переписывает одно и то же. Его пьеса «Ломоносов», которая не так давно шла на сцене Художественного театра, разместилась на 70 страницах, а написано было — 2 000. Черновики писатель не хранит. Хранит только законченные рукописи.

Неопубликованных среди них — немало. Собственная высокая требовательность не позволила в свое время эти рукописи напечатать, а сейчас нахлынули новые неотложные дела.

Есть четыре неопубликованных романа, написанных в разное время.

Действие одного из них происходит в период нэпа и в первую пятилетку. Это сложный психологический роман.

Другой роман — сатирический, с коротким названием «У». Действие его тоже происходит в начале 30-х годов.

Лежит у Иванова исторический роман «Алесская святыня». В нем говорится о столкновениях Багдада и Византии в IX—X вв., и на фоне этих столкновений разворачивается история жизни одного арабского поэта.

Первым днем Отечественной войны посвящен роман «Проблема Ильича».

Сейчас Вс. Иванов занят подготовкой к изданию собрания своих сочинений. Большую работу проделал он по переделке «Похождений Факира». Первая часть «Похождений» когда-то очень понравилась Горькому, а вторая и третья части не понравились — показались растянутыми.

— Тогда я подумал, что Горький ошибся, — говорит Иванов, — а когда сейчас, больше чем через двадцать лет, решился наконец перечитать «Факира», то понял — Горький был прав. Взятая переписывать.

...На краю стола — толстая кипа больших, сплошь исписанных от руки листов. В некоторые листы вклеены узкие полоски. Обычно на таких полосках вписывается новое. Здесь — наоборот. На полосках — печатный текст. Это те остатки старого «Факира», которые войдут в новый вариант.

Келепо, возле этой рукописи прозвучал вопрос о том, что такое мастерство.

— Даже неудобно говорить на эту тему, — усмехнувшись, сказал Иванов. — Это внутреннее дело писателя, естественное для него, как естественно для жаждущего стремление к воде. А ведь у нас мастерство относили куда-то на задний план. Редакторы, писатели, издатели погнались за количеством книг, забыв о качестве. Стремление отразить действительность, само по себе похвальное, превратилось в возможность показать действительность серой. Писать плохо мо-

гут многие, писать хорошо — немногие. И трудно это, и утомительно, и, как ни странно, многих тревожит. Умственная лень умеет отодвигать талант, она запорошит глаза. Языкотворчество, любовь к яркой народной речи заменяются штампом. Характеры высокие, трудные, выпуклые в жизни, попав в книгу, мельчают.

Иванов говорит медленно и энергично — одновременно. Энергичен и краток его жест. Он производит впечатление человека прочного. Такими же прочными и невыдуманными кажутся его слова.

— На страницах сегодняшних газет, в статьях писателей, в выступлениях делегатов III съезда меня больше всего радует забота о том, чтобы книги прежде всего были ярки и талантливы, — продолжает Иванов свой разговор о мастерстве. — Нам нужен спор о книгах. Нужно, чтобы писатель мог сказать с пользой для товарищей: «это неудачная книга, и вот почему», «а эта, вышедшая только что, — удачна, и вот почему». Только в спорах, доказательствах, опровержениях можно понять то, что появляется сейчас в литературе, и то, что в ней надлежит сделать.

Сказав так, я все-таки, как видите, сам не назвал имен и книг. Мне и не хотелось этого. Я лишь стремился высказать беспокойство за судьбы литературы. Когда его выскажут многие литераторы, оно переполнит чашу терпения, терпение к серым книгам, чаша упадет, разобьется, и всем станет легче. Беспокойство — удел искусства, и чем его больше, тем искусство прекраснее. У нас многие думают наоборот: чем больше спокойствия в книге, чем она больше походит на предыдущую и чем чаще в нашей литературе будут рождаться близнецы, тем семья литераторов будет дружнее. Это — дружба сна. В литературе же важны бессонница, страсть, вдохновение.

Иванов замолчал, положил на стол короткую черную трубку и неожиданно улыбнулся.

— А сам я с замиранием сердца думаю сейчас о Сибири, о том, что через месяц снова буду там. Где-то буду ходить? С кем-то встечусь? Я считаю, что человеку моих лет надо ездить, пока есть силы, а вспоминать можно потом. Впрочем... — неожиданно спохватывается писатель, — этой осенью я хочу написать книжку мемуарного характера — «Портреты моих друзей».

Расскажу о двух сибиряках — поэте К. Худякове и прозаике Антоне Сорокине — людях, очень талантливых и очень благотворно действовавших на меня. Худяков работал у живописца и научился грамоте, расписывая буквы на вывесках, а потом его стихи печатались в третьем сборнике пролетарских поэтов. Сорокин, наоборот, был человеком большой культуры, он происходил из старой купеческой семьи. Был чем-то вроде футуриста, был художником и даже немного изобретателем. Расскажу о Сергее Есенине, с которым дружил в последние годы его жизни. Сделаю портрет Кончаловского и портрет Афиногенова, человека очень интересного и сложного.

Мы говорили недолго. И говорили больше о людях, о камнях, о причудливых судьбах тех и других. Порой казалось, что разговор уходит от своей прямой цели — от работы писателя. Но так только казалось.

И. БОРИСОВА

Всеволод Вячеславович Иванов с внуками.

Фото А. Князева